

Андрей Ильич ФУРСОВ

Директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

«КРИЗИС-МАТРЕШКА»: ДЕМОНТАЖ КАПИТАЛИЗМА И КОНЕЦ ЭПОХИ ПИРАМИД

1. Введение

Финансово-экономический кризис, начавшийся в 2007 г. в США и сегодня охвативший, по сути, весь мир, часто сравнивают с кризисом 1929–1933 гг. Последний, в свою очередь, был финальной фазой затяжного кризиса 1873–1933 гг. Кстати, с этим длительным кризисом, эпоху которого голландский историк Я. Ромейн назвал «водоразделом», нередко сравнивают кризисную хронозону, начавшуюся в 1970-е гг., а точнее — в 1973 г., и продолжающуюся до сих пор. Кризис «водораздела» 1873–1933 гг. был временем «пересдачи карт социальной игры» (Ф. Бродель), пересдачи Карт Истории, и те, кто ухватил главные козыри, оказались на коне вплоть до новой пересдачи, начавшейся в 1970-е гг. Более того, у них неплохие шансы в новую эпоху добавить к старым козырям новые. Так сказать, деньги к деньгам. Впрочем, может оказаться и пепел к пеплу — это как Бог бросит кости.

Значение кризиса 1873–1933 гг. неоспоримо. Именно тогда сформировались основные субъекты (игроки, агенты) XX в. — финансовый капитал, его брат-враг революционное социалистическое движение, спецслужбы, организованная преступность; именно тогда сформировались основные противоречия, которые пришлось разрубать в XX в.: британско-немецкие, американско-британские, немецко-русские; именно тогда была определена философская и научная повестка дня XX в., рухнули последние империи Старого Порядка, который буржуазия ломала с конца XVIII в., оформились государственно-монополистический капитализм (ГМК), коммунизм — системный антикапитализм, фашизм, национал-социализм и национально-освободительное движение. И, тем не менее, более правильным представляется сравнивать «водораздельный» кризис конца XX — начала XXI в. не с «ромейновским», а с кризисом 1490–1560-х гг., намного более масштаб-

ным, чем происходивший в 1870–1930-х гг., а главное — системным.

«Ромейновский» кризис был структурным, то был переход от одной структуры капсистемы к другой, тогда как в конце XV — начале XVI в. рождалась сама капсистема, возникали ее базовые институты: рынок, государство, политика и др. То есть возникало то, что слабеет, тает и отмирает в условиях кризиса конца XX — начала XXI в., одним из эпизодов которого стал финансово-экономический кризис, стартовавший в 2007 г. Выходит, «водораздельный» кризис конца XX — начала XXI в. — системный и знаменует кризис и конец капитализма как системы? Скажу сразу — да, это конец капсистемы, причем процесс этот происходит не только стихийно. Он также представляет собой результат сознательных действий верхушки мирового капиталистического класса, нескольких сотен (максимум тысячи — полутора) семей, «властелинов колец» капиталистического Мордора, которые демонтируют капитализм в своих собственных интересах — интересах сохранения власти, привилегий и богатств. Но прежде чем разбирать этот вопрос, взглянем на другие системные кризисы — это необходимо для лучшего понимания того кризиса, в котором мы живем и который, подобно водовороту, способен унести нас в Мальстрем истории.

2. Три типа системных кризисов

Хронологически ближайший к нам системный кризис — кризис феодализма и возникновения капитализма, кризис «длинного XVI в.» (1453–1648 гг.), решающая фаза которого пришлась на 1490–1560-е гг. Главная загадка этого кризиса — генезис капитализма.

По-видимому, истоки кризиса, как и корни генезиса капитализма, надо искать в классовых интересах основных, системообразующих субъектов/агентов системы. Исследования последних десятилетий показали, что именно классовый интерес феодалов (сеньоров) в сохранении власти и привилегий, борьба за это стали основой генезиса капитализма. Прав Гераклит: «война — отец всего».

После эпидемии чумы середины XIV в. и народных антифеодальных восстаний развитие западноевропейского социума пошло в направлении «кулацкого рая» и «бюргерского рая», то есть такого социального устройства, в котором сеньоры превращались просто в богатых землевладельцев или богатых бюргеров, утрачивая значительную часть привилегий и статуса. Сеньоры не любили королей, воевали с ними, но низы приперли их к стенке, и сеньоры пошли на союз с короной.

Первым же результатом союза короны и сеньоров стало появление так называемых «новых монархий» (Людовика XI во Франции, Генриха VII в Англии) — структур, значительно более институционализированных, чем феодальные, и намного более репрессивных, чем эти последние; король стал «непосредственным» сувереном по отношению ко всем подданным, а не только по отношению к своим вассалам; обязанности новой, по сути постфеодальной знати по отношению к короне стали более тяжелыми, чем таковые вассалов эпохи феодализма¹. Для «новых монархий» не было термина, и он был изобретен. Это сделал Макиавелли, «запустивший» термин *lo stato* — государство. Государство стало мощнейшим оружием экс-феодалов против низов. Другим оружием стала армия нового типа.

В 1492 г. Колумб «открыл» Америку, и в XVI в. в Западную Европу хлынули серебро и золото. Эти средства вкладывались прежде всего в военное дело. Результат — военная революция XVI в., возникновение новой формы военной организации, с которой низам было трудно справиться. Кроме того, открытие Америки, возникновение того, что К. Маркс назвал «мировым рынком», а И. Валлерстайн — «европейской мир-системой» и что, по сути, представляло собой систему нового международного (североатлантического) разделения труда, обеспечило верхам качественно новые возможности.

В результате всех этих изменений к 1648 г. в Западной Европе у власти на разных уровнях находилось 90% семей, правивших «полуостровом» в 1453 г. Таким образом, феодалы в своих классовых интересах демонтировали феодализм, чтобы сохранить власть, привилегии и богатство и в процессе этой борьбы создали новую систему. Капитализм, таким образом, есть побочный продукт борьбы феодалов за трансляцию себя в будущее в новом системном «обличье».

Капитализм есть побочный продукт борьбы феодалов за трансляцию себя в будущее в новом системном «обличье»

Следующий кризис, о котором необходимо сказать, — кризис поздней античности, антично-рабовладельческой системы (IV–VI вв. н.э.). От позднефеодального этот кризис отличается многим. Отмечу главное. Во-первых, античное рабовладение было системой экстенсивной (экстенсивно ориентированной), ей нужны были экспансия и наличие периферии. Интенсивно ориентированный феодализм в этом не нуждался.

Во-вторых, в ходе кризиса поздней античности верхушка Западной Римской империи была

уничтожена, рассеяна или поглощена верхушкой варварских племен. Между позднеантичными и раннефеодальными верхами отсутствует преемственность, а между концом античности и началом феодализма — «темные века» (VI–VIII вв. н.э.).

Позднеантичный кризис, в отличие от позднефеодального, — пример неудачных действий верхушки и краха системы вместе с этой верхушкой. Показательно также и то, что кризис феодализма, обернувшийся демонтажем, не уничтожил западную цивилизацию — капитализм стал (хотя и с нюансами) следующей стадией ее развития, тогда как кризис антично-рабовладельческого общества стал крушением античной цивилизации, то есть еще и цивилизационным, в отличие от позднефеодального (кризис «длинного XVI в.» был внутрицивилизационным).

Третий кризис, о котором пойдет речь (и третий тип кризиса), — верхнепалеолитический (25–10 тыс. лет до н.э.). Это, пожалуй, самый страшный — ресурсно-демографический (социобиосферный) — кризис. Он длился 15 тыс. лет, подвел черту под несколькими сотнями тысяч лет палеолита и охватил почти всю планету, точнее, ее населенную часть. Его результатом стало сокращение населения планеты на 80%, упадок и деградация общества и культуры. Выходом из кризиса верхнего палеолита стала так называемая «неолитическая революция» — возникновение земледелия, скотоводства, городов, классов и т.п., одним словом — цивилизации.

Итак, перед нами три различных типа кризиса: системный формационный, системный формационно-цивилизационный (в узком, конкретном смысле термина «цивилизация») и системный социобиосферный, сменивший один тип «игры общества с природой» (Ст. Лем) — палеолит, на другой — цивилизацию.

Ну а теперь, познакомившись с тремя системными кризисами, посмотрим, что происходит в современном мире, точнее, что происходило с 1970-х гг. По сути, на глазах исчезает, тает тот мир, который возник в 1870–1930-е гг. и который расцвел в «славное тридцатилетие» (Ж. Фурастье) 1945–1975 гг.

3. Кризис демократии и ослабление базовых институтов капитализма

В 1975 г. увидел свет доклад «Кризис демократии», написанный по заказу Трехсторонней комиссии² С. Хантингтоном, М. Крозье и Д. Ватануки. В докладе четко фиксируются угрозы положению правящего слоя — прежде всего то, что против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего со-

циального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке.

В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведет к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти «эксцессы демократии» представляют собой вызов существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, ее источник — «внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующимся высокой степенью (политического — прим. А.Ф.) участия». Вывод: необходимо способствовать росту невовлеченности (noninvolvement) масс в политику, развитию определенной апатии, умерить демократию, исходя из того, что она лишь способ организации власти, причем вовсе не универсальный: «Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (seniority), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти».

Ослабление демократии и среднего слоя предполагало ослабление базовых институтов капиталистического общества, по сути — их демонтаж. Речь идет о нации-государстве, политике, гражданском обществе, рациональном знании. Иными словами, речь идет о капитализме. Здесь необходимо отметить, что вопреки представлению многих капитализм — это не просто торжество капитала: капитал существовал до капитализма и будет существовать после него.

Капитализм есть сложная институциональная система, ограничивающая капитал в его долгосрочных интересах и обеспечивающая (прежде всего, с помощью государства) его экспансию в пространстве. Последнее имеет жизненно важное значение для капитализма в силу его экстенсивной ориентированности. Иным капитализм быть не может, он решает многие свои противоречия, вынося их за собственные рамки и прирастая пространством.

Подчеркнем: для нормального функционирования капитализму необходима некапиталистическая зона, которую он превращает в капиталистическую периферию и без которой он тоже не может существовать — так же, как антично-рабовладельческая система без своей

периферии. Помимо прочего, эксплуатация периферии помогает поддерживать социальный мир в центре («ядре»), обеспечивать определенный уровень жизни большей части его населения. Ну а ограничителями капитала в самом ядре выступают, как уже говорилось, нация-государство, политика, гражданское общество и ряд других форм и институтов. И, как мы знаем, именно эти институты и связанные с ними социальные группы разрушаются/демонтируются с середины 1970-х гг. Демонтаж этих институтов означает, по сути, демонтаж капитализма как системы, предпринимая наднациональной (мировой) верхушкой в интересах сохранения ею власти (мирового контроля), привилегий, богатства с 1970-х гг., который ускорился в 1990-е гг. и, по-видимому, еще более ускорится в 2010-е гг. В чем причины этого процесса?

4. «Кризис-матрешка»

Первая причина имеет откровенно классовый характер. На рубеже 1960-1970-х гг. верхушка буржуазии в ядре капитализма в условиях роста экономического благосостояния и политического влияния среднего и рабочего классов, левых партий, увеличения «размеров» нации-государства в форме *welfare state* оказалась в положении, сходном с тем, в которое попали феодалы в XV в. Ход был сделан аналогичный — демонтаж системы. Только если феодалы не понимали, что делают, а действовали, повинувшись социальному инстинкту, то «буржуины», на которых работают тысячи «фабрик мысли» (*think tanks*) затеяли демонтаж сознательно, хотя вполне возможно, что сначала думалось о демонтаже элементов, а не системы в целом. Однако вскоре системная перспектива стала очевидной.

Выявились это с глобализацией, особенно после крушения главного бастиона «системного антикапитализма» — СССР. Глобализация (капиталов) — «дочка» НТР и «внучка» холодной войны — стала полной победой капитала, который превращается в электронный сигнал и преодолевает практически все ограничения (пространственные, социальные, политические); реальное не может контролировать виртуальное — разные уровни (а наоборот — возможно). Весь мир стал капиталистически-неолиберальным, включая СССР, Восточную Европу, Китай. Капитал(изм) везде! Победа! Однако как написал по другому поводу Н. Коржавин: «Но их бедой была победа — / За ней открылась пустота». Исчезла некапиталистическая зона и теперь капитал(изм) уже не может решать свои проблемы, вынося их вовне, — некуда. А войны как в 1914–1918 и 1939–1945 гг. тоже невозможны.

Куда ж бедному капитализму податься? Где искать источники для дальнейшего накопления? Только внутри самого себя. Но все дело в том, что капитализм — это экстенсивно, а не интенсивно ориентированная система, он институционально «заточен» под экстенсив, и его переориентация, «перезагрузка Матрицы» требует демонтажа системообразующих элементов, то есть самой системы и создания на ее месте иной, которая типологически, эквивалентно-

Капитализм есть сложная институциональная система, ограничивающая капитал в его долгосрочных интересах и обеспечивающая (прежде всего, с помощью государства) его экспансию в пространстве

нишево будет похожа на феодализм, точнее, станет возвращением к принципам его организации на новом, более высоком витке «спирали развития» — с поправкой на то, что это будет уже не западный, не христианский и не локальный социум. Истощение земного пространства с глобализацией стало еще одной, помимо классовой, причиной демонтажа капитализма.

Итак, демонтаж капитализма его верхушкой à la демонтаж феодализма в 1453–1648 гг. Но все ли продумали властелины его колец и их интеллектуальная обслуга? У меня плохая новость для «демонтажников-высотников»: с капитализмом не получится так, как вышло с феодализмом — у феодализма не было периферии, наличие которой существенно меняет и суть кризиса, и процесс демонтажа, и вектор развития. Включив в свои процессы, в мировой рынок огромные массы населения, всю планету, капитализм демографически вырастил свою афроазиатскую и латиноамериканскую периферию так, как население самих этих регионов никогда не выросло бы. И теперь эта капиталистическая периферия, по сути, не нужная ядру настолько, как в «старые добрые капиталистические времена», просто так не отвяжется. Она давит на ядро, Юг проникает на Север, создает свои анклавные и подрывает его; то, что А. Дж. Тойнби-младший называл «союзом внутреннего и внешнего пролетариата», способствует периферизации ядра, его захвату периферией с прямой и явной угрозой если не смены, то существенной модификации элит, по крайней мере значительной их части. Таким образом, попытка демонтировать капитализм à la феодализм оборачивается кризисом не позднефеодального, а позднеантичного типа, а еще точнее, комбини-

рует черты и качества обоих. Но это не все. Есть еще одна плохая новость.

Капитализм — глобальная, планетарная система, основанная на эксплуатации не только человека, но и природы. Включив в свои производственно-экономические процессы биосферу в целом, капитализм привел ее в состояние глобального экологического, а человечество — в состояние ресурсного кризиса. Типологически такого не было со времен верхнепалеолитического кризиса. При этом, конечно, нынешний масштаб несопоставим с верхнепалеолитическим. Таким образом, демонтаж капитализма развивается на фоне глобально-биосферно-ресурсного кризиса, а к его «позднефеодалному» и «позднеантичному» кризисным качествам добавляется намного более тяжелое по своему содержанию и последствиям — «верхнепалеолитическое». Мы получаем «кризис-матрешку», «кризис-домино», где один кризис влечет за собой другой, более масштабный и разрушительный.

Чертами трех кризисов, о которых шла речь, нынешний кризис-демонтаж капитализма не исчерпывается. Он автоматически означает еще несколько кризисов. *Во-первых*, это кризис западной цивилизации в том виде, в каком она сформировалась за последнюю тысячу лет. *Во-вторых*, это кризис христианства в самых разных его аспектах: частном (кризис протестантского отношения к труду на фоне стремительно растущих тенденций к гедонизму, потреблению, более или менее активному ничегонеделанию как верхов, так и низов), общем (кризис христианского типа личности), проектном. О последнем стоит сказать особо, поскольку кризис капитализма конца XX — начала XXI вв. — это и кризис библейского проекта.

В течение двух тысячелетий верхушка (сначала средиземноморская, затем европейская, а в XIX–XX вв. — мировая), используя и приспособив к своим нуждам протестно-эмансипаторский проект Иисуса Христа и одновременно приглушив его (идейно — с помощью прежде всего Ветхого Завета, организационно — с помощью христианской церкви), превратила его в библейский проект. Библейский проект как средство держать в узде «маленького человека» главным образом изнутри (интериоризация контроля) сменил древнеегипетский проект, последним персонификатором которого была Римская империя, с его акцентом на внешний контроль. Несмотря на то что библейский проект дал немало сбоев (откол католицизма от православия-ортодоксии в политических целях, возникновение протестантизма как начало иудаизации христианства, возникновение пантеистического и атеистического

Просвещения и его «отростков» — либерализма и особенно марксизма как не просто светской, а дехристианизированной версии библейского проекта), в течение почти 2 тыс. лет в целом, пусть все хуже, но он справлялся с задачами, для решения которых его создали. С последней трети XX в. библейский проект не работает. «Демонтажники» капитализма должны будут создать не только новую систему, но и новый проект. Глобофашизм «неоконов», этих леваков, прошедших «правую школу» Лео Штрауса и начитавшихся Платона, вряд ли пройдет.

В-третьих, кризис капитализма — это кризис цивилизации, то есть земной цивилизации в том виде, в каком она существует последние 10–12 тыс. лет (13 653 года по индийской хронологии; 13 542 года — по древнеегипетской и ассирийской; 10 498–10 499 лет — по хронологии ольменов и майя). Эпоху земной цивилизации я называю Эпохой (или Временем) Пирамид и Сфинкса: археологические данные последних десятилетий свидетельствуют, что пирамиды и особенно Сфинкс древнее, чем предполагалось, датируются эти сооружения 8–10 тыс. до н.э. и построены, по-видимому, представителями цивилизации, предшествовавшей египетской.

Мир Пирамид подходит к концу вместе с капитализмом. Научно-техническая революция (НТР), благодаря которой информационные (невещественные) факторы начинают господствовать над вещественными («материальными») — это не вторая промышленная революция, а нечто более серьезное, сопоставимое по масштабу с неолитическое.

Мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед «кризисом-матрешкой», аналогов которому не было и который, похоже, сметет не только капитализм с его сторонниками и противниками, но и всю постнеолитическую цивилизацию. И если человечеству удастся, пусть сократившись в численности до 0,5–1,0 млрд, пережить его, то новый социум скорее всего будет отличаться от цивилизации Мира Пирамид (в том смысле, что египетские пирамиды — главный символ всей посленеолитической эпохи) не меньше, чем она отличалась от палеолита.

В-четвертых, речь должна идти о кризисе белой расы, само существование которой экспансия капитализма, вызвавшая демографический взрыв на Юге и массовую миграцию его жителей на Север, поставила под угрозу — число белых в современном мире стремительно снижается.

В-пятых, на повестку дня может быть поставлен кризис Homo sapiens. Одно дело — кризис биосферы 25 тыс. лет назад, и совсем другое — сегодня, на

планете, напичканной атомными станциями, бактериологическим и иным оружием, с населением 6,6 млрд человек (к 2030 г. будет 8 млрд). Планетарная катастрофа может либо вообще выкосить население, либо оставить на нем такой отпечаток, что дальнейшее «развитие» окажется возможным лишь в одной форме — деградации.

5. Заключение

Таким образом, демонтаж капитализма открыл невиданный ящик невиданной Пандоры с невиданными последствиями. А ведь мы ничего не сказали ни об усилении в XXI в. (пик — XXII в.) геовулканической активности, ни о неизбежном изменении направления земной оси (происходит раз в 12–15 тыс. лет, последнее произошло 12–13 тыс. лет назад), ни о том, что заканчивается «долгое лето» (теплый десяти тысячелетний отрезок в каждом столетии; а 90 тыс. лет приходится на ледниковый период).

Разумеется, от всего этого можно отмахнуться как от нагнетания страхов, от «черновидения» (С. Лем). Однако лучше жить по принципу «кто предупрежден, тот вооружен», чем стать жертвой «синдрома Сидония Аполлинария», то есть в упор не видеть уже нависшей над головой угрозы.

Каковы варианты посткризисного развития — разумеется, если удастся выйти из кризиса минимально катастрофичным образом? Теоретически вариантов несколько — от высокотехнологичной цивилизации того типа, что описывал И.А. Ефремов в «Туманности Андромеды» до футуроархаических империй того типа, что Д. Лукас изобразил в «Звездных войнах»: иными словами, от Дара Ветера до Дарта Вейдера. Реально новая система скорее всего будет футуроархаической — мир сверхновых технологий будет соседствовать с миром неoarхаических или даже неovarварских структур.

Как и в XIV–XVI вв., на планете сложится мозаика различных форм социального, властного и экономического устройства. Это будет мир контрастов: рядом со сверхсовременными анклавами «регион-экономик» (К. Омаэ) будут существовать демодернизирующиеся, архаичные и даже асоциальные зоны. Капиталистическая эпоха, особенно ее современная фаза, будет казаться фантастическим временем, которое быстро мифологизируют. Темпы развития посткапиталистического, постцивилизационного мира будут заметно ниже, чем капсистемы, а возможно, даже и эпохи пирамид в целом. Скорее всего, цивилизация была краткой экспонентой между двумя асимптотами — палеолитом

Планетарная катастрофа может либо вообще выкосить население, либо оставить на нем такой отпечаток, что дальнейшее «развитие» окажется возможным лишь в одной форме — деградации

и тем, что идет на смену цивилизации. Грустно? Да. Но грустно с точки зрения Просвещения, библейского проекта и христианства, с которыми надо попрощаться — *vixerunt*. Будущее — это не линейное продолжение эпохи капитализма и даже Эпохи Пирамид, это нечто другое, более сложное и более простое одновременно.

Развитие новой системы — а, как и большинство социальных систем, она просуществует 600, самое большее 1000 лет — будет протекать во все менее благоприятных природных условиях, а потому вполне возможно, если не неизбежно, дальнейшее нарастание варваризации и архаизации в разных частях планеты. В любом случае одной из важнейших задач людей этого неласкового будущего станет сохранение знаний и подготовка к природным катастрофам, прежде всего — к новому ледниковому периоду. Однако и за такое суровое будущее XXIII–XXX (?) вв. надо еще будет побороться и в XXI–XXII вв., и сегодня.

Что можно сегодня противопоставить «демонтажникам»? Не так много, но и не так мало — волю и разум. Волю противопоставить их социал-дарвинистскому прогрессу, этике менял с их философией гешефта надо противопоставить этику брахманов и кшатриев, то есть этику воинов и жрецов (священников). Разум — это новое рациональное знание о мире. Новая этика и новое знание — вот щит и меч против цивилизации менял. Гарантирует ли это победу? Нет. Победа обретается в борьбе. Но это гарантирует волю к победе и достоинство как состояние ума и души. А еще надежду на то, что мы пройдем кризис, в который погружаются капитализм и западная цивилизация, что мы останемся на корабле, скользящем по волнам Океана Времени, в который погружается Эпоха Пирамид. ■

Примечания

¹ См. Le Roi Ladurie E. L'état royal. 1460–1610. P.: Hachette, 1987.

² Создана в 1973 г. вслед за Римским клубом (1968 г.), по сути, теми же людьми и группами, что и клуб, для оптимизации управления западной верхушкой мировыми процессами в условиях, когда США проиграли СССР экономическое соревнование.